

Памятники исторической литературы

Николай Кареев

ИСТОРИКА.
ТЕОРИЯ
ИСТОРИЧЕСКОГО
ЗНАНИЯ

Аннотация

«Памятники исторической литературы» — новая серия электронных книг Мультимедийного Издательства Стрельбицкого.

В эту серию вошли произведения самых различных жанров: исторические романы и повести, научные труды по истории, научно-популярные очерки и эссе, летописи, биографии, мемуары, и даже сочинения русских царей. Объединяет их то, что практически каждая книга стала вехой, событием или неотъемлемой частью самой истории.

Это серия для тех, кто склонен не переписывать историю, а осмысливать ее, пользуясь первоисточниками без купюр и трактовок.

«Историка. Теория исторического знания» — книга русского социолога Николая Ивановича Кареева (1850–1931).

Исторический процесс, совершающийся в человеческих обществах, — неотъемлемая часть развития всякой цивилизации, основанная на тех законах и явлениях, что мы привыкли называть обыденностью. Истории отдельных народов разительно отличаются друг от друга. В этом заключается теория социального знания, позволяющая изучить влияние отдельных личностей на становление государства.

Николай Кареев

Историка. Теория исторического знания

Из лекций по общей теории истории
Теория исторического знания и теория исторического процесса

От Издателя

«Памятники исторической литературы» — новая серия электронных книг Мультимедийного Издательства Стрельбицкого.

В эту серию вошли произведения самых различных жанров: исторические романы и повести, научные труды по истории, научно-популярные очерки и эссе, летописи, биографии, мемуары, и даже сочинения русских царей.

Объединяет их то, что практически каждая книга стала вехой, событием или неотъемлемой частью самой истории.

Это серия для тех, кто склонен не переписывать историю, а осмысливать ее, пользуясь первоисточниками без купюр и трактовок.

Пробудить живой интерес к истории, научить соотносить события прошлого и настоящего, открыть забытые имена, расширить исторический кругозор у читателей — вот миссия, которую несет читателям книжная серия «Памятники исторической литературы».

Читатели «Памятников исторической литературы» смогут прочесть произведения таких выдающихся российских и зарубежных историков и литераторов, как К. Биркин, К. Валишевский, Н. Гейнце, Н. Карамзин, Карл фон Клаузевиц, В. Ключевский, Д. Мережковский, Г. Сенкевич, С. Соловьев, Ф. Шиллер и др.

Книги этой серии будут полезны и интересны не только историкам, но и тем, кто любит читать исторические произведения, желает заполнить пробелы в знаниях или только собирается углубиться в изучение истории.

Вступление

В основу этой книги — в смысле темы, плана, идей — положены курсы, но теории истории, читанные мною в течение ряда лет, начиная с 1907 г., на Высших Женских Курсах в Петербурге. В своих лекциях на эту тему я повторял, разъяснял, дополнял и развивал мысли, которые ещё раньше высказывались иною в многочисленных моих работах — книгах и статьях — о том же предмете или предметах, ему родственных, так или иначе, его касающихся. Кроме самой теории истории, я, говоря это, имею в виду и то, что писалось мною по социологии и по вопросам преподавания истории, а отчасти и по самой истории. Чтение указанных курсов было для меня постоянным поводом подвергать пересмотру свои взгляды на основные проблемы теории истории, и в этом смысле настоящая книга является сведением в одно целое неоднократно пересмотренных общих взглядов на историю, высказывавшихся в разное время, по разным поводам и с разных точек зрения — историко-теоретической, социологической, педагогической, общественной. Это, в известной мере непрерывное, занятие теоретическими вопросами истории заставляло меня более или менее постоянно, хотя бы иногда лишь урывками, следить за соответствующую литературу, более ранние произведения, которой изучались мною систематически для главных моих трудов в этой области. Конечно, и окончательное редактирование настоящей книги не могло обойтись без справок в новейших работах историко-теоретического содержания.

Подводя итоги под мыслями, разбросанными в целом ряде книги и статей, я иногда бываю вынужденным делать ссылки на эти свои работы, в которых часто то или другое изложено и обосновано более подробно или сопровождается как критикою других взглядов на то же самое, так и историческими данными о разных постановках и решениях историко-теоретических вопросов в прежние времена, а, наконец, и литературными, библиографическими и иными справками. Список своих работ, имеющих отношение к теме настоящего курса, я даю вслед за вступлением, здесь же отвечаю лишь то, что первая из них появилась ещё в 1876 году, и ограничусь указаниями только на главнейшие.

Это, прежде всего, «Основные вопросы философии истории» (1883), моя докторская диссертация, вызвавшая в свое время (в середине восьмидесятых годов прошлого столетия) большую полемику в общей прессе, — полемику, которая заставила меня издать в защиту своих взглядов целую книжку (под заглавием «Моим критикам»). Конечно, будучи написана около тридцати лет тому назад, названный труд в некоторых

своих частях устарел, и в нем по отношению к современному состоянию теории истории есть пробелы¹), но главные положения книги я повторяю и в настоящем курсе. Могу даже прибавить, что некоторые положения, особенно вызывавшие нападки со стороны критиков-дилетантов, оказались ещё более обоснованными, благодаря вообще дальнейшей разработки предмета.

Далее, в 1890 г., в виде продолжения «Основных вопросов» (третьего их тома), вышла в свет другая моя книга «Сущность исторического процесса и роль личности в истории»²), оставшаяся (*habent sua fiata libelli!*) почти незамеченной в печати, хотя для меня лично как-раз она до сих пор остается наиболее значительным трудом моим в области теории истории. Основные положения «Сущности исторического процесса» я популяризовал в небольшом (не бывшем напечатанным) курсе, прочитанном в зиму 1901-2 г. в парижской Высшей русской школе, равно как и в упомянутых лекциях на Высших Женских Курсах.

Наконец, почти одновременно, в самые последние годы XIX в., были мною изданы ещё две книги, из которых одна называется «Введение в изучение социологии» (1896), другая — «Старые и новые этюды об экономическом материализме» (1897). Первая из них образовалась, в главных своих частях, из особых курсов, читавшихся мною в то время в Петербургском университете³, вторая — из отдельных лекций, рефератов и статей в журналах и из специально для неё написанных глав, т. е. действительно из ряда «этюдов», вызванных проповедью у нас экономического материализма и тогдашними боевыми схватками между «народниками» и «марксистами». В обеих книгах мне пришлось затронуть вопросы, которые совсем отсутствовали как в «Основных вопросах», так и в «Сущности исторического процесса».

Во всех четырех книгах читатель может найти вообще весь идейный, фактический и литературный (историографический) или критический (нередко с полемическим характером) материал, положенный в основу содержания этой книги. Некоторые к нему дополнения находятся и в отдельных статьях, печатавшихся в разных журналах и отчасти перепечатывавшихся в особых сборниках⁴.

Как в книгах этих, так и в статьях я старался по мере возможности быть *au courant* касательно литературы рассматривавшихся в них предметов и многие произведения по теории истории даже прямо анализировал, но обо многом очень важном, особенно за последние годы, мне совсем не приходилось упоминать. К числу таких произведений относится и самый, в настоящее время, капитальный, в смысле систематичности, полноты, основательности, обилия всякого библиографического материала, труд Эрнста Бернгейма, «*Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichts-Philosophie*», вышедший в свет в 1889 г. и не раз после того переиздававшийся в переработанном и дополненном виде, равно как сделавшийся известным и русским читателям в переводе краткого его изложения самим же автором⁵.

В этом руководстве, которое должно быть настольного книгою каждого, занимающегося историей, а также в более краткой и популярной книге Ланглуа и Сеньобоса «*Introduction aux études historiques*», изданной в 1898 г., и в некоторых других, разработаны те отделы общей теории истории, которыми лично я самостоятельно наименее занимался и о которых даже почти ничего до сих пор не писал: это — методы исторического исследования и даже техника исторических работ в виде «эвристики» (источниковедения) и критики источников с их интерпретаций.

По этим вопросам существует вообще весьма большая и притом очень старая литература, но она была вне круга моих специальных интересов, хотя я и не упускал из вида наиболее важных её произведений, как прежних, так и теперешних.

Для многих все теоретическое отношение к истории сводится чуть не целиком к исследованию приёмов и формулированию правил обращения с источниками исторического знания, к простой технике добывания его первых элементов, и например, Бернгейм сам первоначально только это, главным образом, и

¹ Напр., в своей «Методологии истории» (СПб. 1910, вып. I, стр. 46), А. С. Лаппо-Данилевский отмечает, что «Основные вопросы» писались «в то время, когда чисто логическое различие между двумя познавательными целями науки пачи точками зрения — обобщающей и индивидуализирующей — ещё слишком мало было выяснено в литературе. Это, в общем, верно, хотя самое различие и было мною указано, так как о нем, говорил ещё Огюст Конт. Отмечу ещё сам, что в то время не было также и литературы в духе экономического материализма.

² Большой том в 627 стр.

³ Эти курсы читались мною «для желающих», т. е. вне общего плана факультетского преподавания с 1891 по 1898 г. Проспект одного из таких курсов (1897—8 г.) был мною напечатан.

⁴ В «Историко-философских и социологических этюдах», имевших два издания (1895 и 1899 гг.), и в первых двух томах «Собрания сочинений» (1911 и 1912 гг.).

⁵ Проф. Бернгейм. Введение в историческую науку. М. 1908.

рассматривал в своём «Руководстве исторического метода», в первом издании которого не было (и в самом заголовке книги) никакого упоминания о «философии истории», включенной в состав труда только впоследствии и являющейся наиболее слабою его частью. Понятно, что общая теория истории не может быть полной без рассмотрения технических приёмов исторического исследования, и потому я включал этот отдел в свои историко-теоретические лекции, поскольку это считал нужным для общей характеристики исторической науки. Более систематическое и детальное изложение такого предмета с кафедры для начинающих заниматься историей в высшей школе едва ли имело бы смысл: плавать учат посредством плавания, а не рассуждениями о том, что нужно делать, чтобы держаться на воде подвигаться вперёд, нырять и т. п.; то же самое относится и к технике исторической работы.

Технические правила науки-одно, её теоретико-познавательные принципы — другое. В общем курсе теории истории последним должно, несомненно, принадлежать первое место, ибо задача такого курса не в том, чтобы научить, как работать в области истории, а дать понять, что такое история, как наука, в чём заключаются условия её научности, т. е. в каком смысле возможно научное познание прошлого и что составляет её предмет и её задачу (или задачи). К числу условий научности любой отрасли знания относится правильность мышления, являющаяся, как известно, предметом логики⁶, причем логика может быть общою и специальной, имеющей дело с отдельными науками. В то время как писались мои «Основные вопросы философии истории» не только специальная логика исторической науки, но и вообще логика общественных наук была разработана крайне недостаточно.

Тогда или не было ещё трактатов по логике, которые я потом имел возможность рассмотреть во «Введении в изучение социологии»⁷, или я не успел ещё с ними познакомиться (напр., с «Логикой» Вундта в первом её издании), — а были только известные труды Милля и Бэна, в которых менее всего имелась в виду история, так как обоим интересовало, главным образом, открытие законов, уже тогда не считавшееся мною за задачу исторической науки, как таковой?⁸ Лишь в более близкое время работы Виндельбанда и Риккерта, о которых ещё будет говориться ниже, а также Зиммеля⁹, поставивших вопрос о сущности истории на точку зрения гносеологии, в разработка основных вопросов исторической логики произошло некоторое оживление. Тем менее я мог пренебречь в своем преподавании теории истории новыми точками зрения, что, с одной стороны, они отчасти и до известной степени совпадали с моими прежними взглядами, и что, с другой, они сделались у нас очень популярными у учащейся молодежи, как это замечено было не мною одним из преподавателей высшей школы¹⁰. Вообще вопросы методологии истории за последние годы стали сильно занимать теоретическую мысль, о чем свидетельствуют, например, недавний (в последнем десятилетии прошлого века) спор в Германии о «старом и новом направлениях в истории и основание во Франции специального органа «*Revue des synthèses historiques*», редактор которого, Анри Берр, в 1911 г. издал «критический и теоретический опыт» под заглавием «*La synthèse en histoire*»¹¹.

С теоретическими вопросами исторической науки я более или менее всегда старался знакомить всех своих слушателей, то, посвящая этому предмету вступительные лекции в отдельные свои исторические курсы, то, объявляя особые лекции «для желающих». Вообще чтение историко-теоретических лекций или курсов не представляет собою новизны в деле преподавания в высшей школе. В обычае прежних профессоров было предпосылать своим курсам общие сведения об исторической науке и её методах¹², а

⁶ В этом смысле А. И. Введенский правильно на заглавном листе своего курса поставил: «Логика, как часть теории познания» (СПб., 1912).

⁷ См. в названной здесь книге главу X.

⁸ Основные вопросы философии истории, кн. I, гл. 2. Впрочем, и Вундт в этом отношении не особенно отличается от Милля и Бэна. Логика Зиггарта существовала уже в семидесятых годах, но в своем отделе об историческом знании не соответствовала тогдашнему обобщающему направлению.

⁹ W. Windelband. *Geschichte und Naturwissenschaft* (1894). — H. Miclert. *Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung* (1896) и *Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft* (1896). — (r. Simmel. *Probleme der Geschichtsphilosophie*.

¹⁰ См. в Логике А. И. Введенского указание на то, что «среди учащихся... под влиянием Виндельбанда и Риккерта... нередко встречается мнение, будто бы окончательной целью истории служить само же единичное», стр. 80.

¹¹ См. о нем мою статью в XVII т. «Исторического Обозрения».

¹² Образец этого мы находим в довольно известных учащимся «Лекциях по всеобщей истории» бывшего харьковского профессора М. Н. Петрова.

также иногда читать и целые курсы, главным образом, впрочем, об исторической технике, о критике и интерпретации источников, а также о так называемых «вспомогательных науках истории», вроде палеографии, дипломатики, сфрагистики, дисциплинах чисто технического значения. Только очень недавно, — при том параллельно с курсами социологии¹³, — стали систематически читаться кое-где и входить в состав общеобразовательных исторических предметов курсы по теории истории в более общем и широком смысле.

Настоящая книга, как было уже упомянуто, является воспроизведением читанных мною лекций, где с сокращениями, где, наоборот, с дополнениями, какие я нашел необходимыми и полезными. Издавая ее, я имею в виду преимущественно учащуюся молодежь и людей, занимающихся самообразованием, притом интересующихся вообще не только историей, но и другими предметами историко-филологического и юридического факультетов: языком, литературой, искусством, религией, философией, правом, политикой, экономикой, поскольку в наше время «историзмом», в большей или меньшей мере, проникнуты все гуманитарные и общественные науки.

Другими словами, в этом своем курсе я исхожу из самого широкого понимания истории, распространяя его на исторические элементы всех наук о человеке и человечестве, взятых с психологической и социологической точек зрения.

Одно дело — писать учёный трактат, другое — составлять курс лекций. Ученые трактаты могут быть интересны и понятны только специалистам или в лучшем случае людям, имеющим известную подготовку в данной области, могущим не только заинтересоваться, но (и это главное) понять прочитанное и произвести ему самостоятельную оценку. Учебные пособия, наоборот, пишутся для начинающих, которые ещё только должны получить самую общую подготовку в предмете, которым о многом предстоит ещё узнать или подумать только в первый раз, и для которых на первых порах очень многое бывает даже лишним, наприм., разные подробности, только мешающие сосредоточить всё свое внимание на существе дела. Мои «Основные вопросы философии истории» были ученым трудом, — не даром я сделал из них диссертацию на степень доктора всеобщей истории, — но потом, переиздавая их уже для большой публики, я упростил книгу, устранив из неё большую часть так называемого ученого аппарата, выкинув около сотни страниц историографического обзора, сократив массу подстрочных примечаний, цитат, ссылок и т. п.¹⁴ Такой же упрощенный вид я придаю и этому своему пособию — в интересах, надеюсь, читателей, которых я вообще не желаю вводить сразу в запутанный лабиринт историографического и критического рассмотрения с беспрестанными упоминаниями собственных имен историков, философов, социологов и т. д. или названий книг, брошюр, статей, с постоянными историческими справками о том, как прежде ставился или решался тот или другой вопрос, с частыми изложениями и разборами разных мнений, когда-либо высказывавшихся или теперь высказывающихся в литературе, с остановками на второстепенных подробностях и всяком случайном материале.

История каждой науки, история её отдельных вопросов — вещь весьма важная, да и не историку отрицать значение исторического отношения к научному знанию и его проблемам, но в преподавании, имеющем дело с теоретическими основами науки, отнюдь не следует смешивать задачи ознакомления с её методологией, как последняя понимается теперь, и задач ознакомления с историей разработки этой методологии. Далее, по многим вопросам теории истории и теперь существуют и разногласия, и несходные оттенки мнений, наоборот, в общем между собою согласных, но в большинстве случаев для ясного и отчетливого понимания излагаемых истин нет надобности перечислять всё мнения, считаемые нами за ошибочные или в чем-либо отклоняющаяся от наших. Исторический и критический (или вернее полемический) элементы в изложении предмета я сознательно довожу в этой книге до минимума, оставляя его лишь там, где он признаётся мною безусловно необходимым. Если бы можно было совсем без него обойтись, — как это делается при преподавании элементарной математики, — было бы ещё лучше, но это оказывается, к сожалению, невозможным.

Сознательное сокращение, до возможного минимума, как исторического, так и полемического элементов влечет за собою устранение из книги большого количества собственных имен авторов и названий их сочинений, понятного в книге, предназначенной служить и справочным пособием, но отнюдь не в курсе, имеющем своей целью изложение руководящих идей в их отвлеченном понимании. Конечно, совсем ссылок на отдельных авторов и на отдельные сочинения избежать было нельзя, но, кроме особенно важных книг, я упоминаю только о тех, притом большей частью имеющих на русском языке, с которыми могли бы и даже

¹³ О том, как и где началось преподавание социологии к концу XIX в., см. в специально этому посвященной главе «Введения в изучение социологии».

¹⁴ В первом издании текст книги занимал 856 стр., во втором — 610, в третьем — 446.

иногда должны были бы непосредственно познакомиться читатели этого курса. Менее всего я думал о том, чтобы эта книга служила и справочным пособием по библиографии теории истории.

С той же самой целью не загромождать изложения ничем лишним я нашел нужным быть как можно скупее на подстрочные примечания, которыми можно было бы, по имеющимся у меня выпискам из разных старых и новых книг, брошюр и статей, наполнить нижние половины большей части страниц. В общем, я допускаю примечания в сравнительно редких случаях, когда считаю небесполезным или объяснить значение какого-нибудь термина, или мотивировать, почему отступаю от какого-либо распространенного взгляда, или же привести чье-либо мнение, удачно подтверждающее мою мысль, кроме, наконец, случаев, когда я делаю ссылки на свои прежние работы, в которых о том или другом говорится более обстоятельно.

Все вышеизложенное относится, главным образом, к той части курса, которая посвящена теории исторического знания, т.-е. гносеологической, логической и методологической части, коей я даю специальное название «историки»; у теории истории, кроме этой формальной стороны, есть ещё другая, так сказать, реальная, или материальная, выделяемая мною в другую часть, феноменологическую, т. е. социологическую, как теория исторического процесса (именно уже не знания, а самого процесса), или, как я её называю, «историологию». И в этой части курса я стремлюсь держаться такого же способа изложения, как и в первой, — способа, который можно было бы обозначить как догматический, — но по существу все-таки есть большая разница между обеими темами — темою истории и темою историологии.

Как-никак, историческая наука с определённым материалом и содержанием, задачами и приемами, существует, и теории исторической науки, как одной из отраслей научного знания, остается только установить и выяснить основные принципы этого знания, более или менее всеми научно образованными историками признаваемые. Другое дело — вопрос о существовании исторического процесса, о его основных причинах, силах, факторах, формах, законах, о том, что можно, дабы выразиться совсем коротко, назвать его механикой.

В сущности, это вопрос социологический, но, к сожалению, мы пока не имеем единой социологии, потому что, как известно, налицо имеются только разные социологии. Как ни хочется верить в близкую возможность синтеза главных социологических направлений в единую социологию, по поводу которой у занимающихся ею не будет коренных разногласий и взаимного непонимания, все же в данное время нет общепризнанного социологами учения о законах, проявляющихся в процессах, которые совершаются в общественной жизни и во всей своей совокупности обуславливают историческое движение и различные направления, темпы, формы и результаты последнего, наблюдаемые нами в действительности. Если в методологической части теории истории приходится, главным образом, подводить итоги под прочно уже добытым, то в этой, феноменологической части, мы вынуждаемся скорее лишь наметить программу будущих усилий теоретической мысли в области исторической науки.

Во всех четырех своих книгах историко-философского и социологического содержания я отводил много, и, быть может, даже слишком иногда много места изложению и разбору разных общих теорий и мнений по отдельным пунктам, за исключением разве только книги «Сущность исторического процесса», в которой особенно полно и подробно я изложил свои собственные мысли относительно этого предмета. После появления в свет названной книги, давно уже вышедшей из продажи, прошло более двадцати лет, в течение которых я много работал по самой истории и по её теории с социологией, не оставляя никогда вне круга своего внимания теоретического вопроса о сущности исторического процесса. Чтение лекций по теории истории заставляло меня, время от времени, пересматривать свои прежние взгляды в зависимости от приобретения новых исторических знаний и большего углубления в старые. Настоящий момент я счёл удобным для того, чтобы без всяких историографических обзоров, критических экскурсов и библиографических ссылок изложить общие итоги своих размышлений над проблемами теории исторического процесса.

Каждый историк имеет свое представление о том, как совершается история, — представление, вытекающее и из априорных предпосылок, без которых не обходится никакая научная работа, общее говоря, из всего мирозерцания историка, и из тех обобщений, которые складываются у него на основании собственного изучения им тех или других комплексов исторических фактов. Историк может не отдавать себе ясного отчета в своих априорных предпосылках, но они у него должны быть, их у него не может не быть, и если он не сам их для себя и вполне сознательно установил путём гносеологической критики, то это только значит, что происхождение их к его мысли чисто традиционное, не логическое, а психологическое. То же самое следует сказать и об обобщениях, к которым приводят историков изучение ими прошлого: и эти обобщения могут оставаться у них за порогом сознания, да и быть не столько результатами намеренного искания каких-либо обобщающих формул путём логического мышления, сколько непроизвольными выводами из фактов, возникающими тем же путем, каким складывается в практической жизни то, что мы называем житейским опытом, т.-е. опять-таки чисто психологическим путем. Конечно, достоинство истории, как науки, требует, чтобы и априорные, и апостериорные элементы нашего знания о прошлом оправдывались

логикой, наукой о правильном мышлении, без чего знание будет находиться в полной зависимости от личной психики отдельных людей и не получит общеобязательного значения. Раз критическое исследование должно быть внесено в область вопросов, касающихся сущности истории, как науки, её предмета, задачи, метода, то нет никаких логических оснований не требовать того же самого по отношению к существу истории, как одной из составных частей мира явлений, т. е. и внутренней основы истории, и её внешних форм.

К сожалению, — на что я не раз уже имел случай указывать, — вопросами теории исторического процесса занимались, ставили их и, так или иначе, разрешали большею частью не историки-специалисты, а представители других отраслей знания, как-то философы, психологи, социологи и т. п., да и то лишь с недавнего времени историки сами начали разрабатывать эти вопросы, взяв их, так сказать, из рук философов и социологов.

Раньше они даже не считали нужным задумываться над такими проблемами и часто относились к ним вообще отрицательно, прямо с крайним недоверием ко всяким теоретическим отвлеченностям как порождениям метафизической философии истории, достаточно себя дискредитировавшей перед судом положительного знания. Так как, однако, без некоторых теоретических предпосылок о сущности исторического процесса работать в области исторической науки нельзя, если только дело не ограничивается критикой источников и констатированием фактов, то, в сущности, у каждого историка должна была быть своя историология, основные положения которой некоторые и высказывали в форме всякого рода афоризмов. Это, конечно, не то, чем должно быть систематическое занятие предметом.

Можно даже сказать, что у каждого поколения историков без их ведома складывались особые взгляды, выдвигавшие на первый план ту или другую сторону процесса, как главную и основную, т. е. свои более или менее популярные лозунги. Очень часто последние возникали под влиянием новых, идей в таких науках, как география и антропология, когда в этих науках были поставлены вопросы о влиянии природы на человека и о различиях человеческих рас. С другой стороны, случалось и так, что, наоборот, и бывшие в свое время очень модными в социологической литературе определения исторического процесса не оказывали большого влияния на работу историков, как это можно сказать о специально дарвинистической социологии или об органической теории общества, не пользовавшихся большим кредитом у историков. Исключительно натуралистический характер таких доктрин отталкивал от себя большинство историков, державшихся, в общем, интеллектуалистического или идеологического объяснения истории — из идей или, говоря частное, из господствующих идей эпохи.

Лишь постепенно в работах историков стал выдвигаться на передний план чисто экономический фактор, но это делалось как-то само собою, без теории, больше под непосредственным влиянием жизни с её экономической злобою дня, и только в последнее время эта новая тенденция историков стала некоторыми из них обосновываться началами теории экономической материализма, возникшего, как известно, вне специальной области исторической науки.

Начинающее ученые невольно примыкали к тем общим историческим идеям, которые были в наибольшем ходу в то время, когда они учились, воспринимая вместе с тем и какое-либо из философских учений, бывших наиболее популярными в данный момент. Многие и успокаивались на взглядах, сложившихся у них на первых порах их деятельности, не подвергали их пересмотру, не заботились о развитии их в сколько-нибудь цельную теорию. Иногда, усвоив из философии или социологии известные общие взгляды на историю, но не находя для них непосредственного применения в своих научных занятиях, молодые ученые потом эти свои взгляды просто забывали. Во всяком случае, создавались некоторые объединяющие для отдельных поколений начала, но в их последовательности не всегда замечалось общее развитие, а скорее скачки, которые имели своим результатом целый ряд случаев взаимного непонимания старших и младших поколений.

На своем веку я был свидетелем не одной замены одних идей, пользовавшихся популярностью, другими, тоже делавшихся в свою очередь, так сказать, модными: я именно решаюсь сказать, что здесь происходила смена мод. Я помню ещё то время, когда властителем дум молодежи, сколько-нибудь интересовавшейся общими идеями, был Бокль, книга которого, знаменитая «История цивилизации в Англии», была для «молодого поколения» настоящим откровением, воспринимавшимся наиболее горячими поклонниками Бокля с таким же догматизмом, с каким воспринимается любое откровение. Мы, тогдашняя молодежь, готовы были видеть в каждом критическом прикосновении к «Истории цивилизации в Англии» признак умственной отсталости и затхлого консерватизма (притом не в одной науке, но и в политике).

Конт, с которым русское общество познакомилось несколько позже и которого оно в подлиннике в руках своих не имело, не был так широко популярен, но те, которые могли с ним ближе познакомиться, испытывали на себе и его влияние. Приходилось иногда слышать со стороны наиболее увлекавшихся заявления даже такого, на прим., рода, что всё-де дальнейшее развитие исторической науки должно быть не чем иным, как фактическим оправданием, детальным применением и логическим развитием исторических взглядов Конта. Более всего, разумеется, такой догматизм проявлялся со стороны дилетантов и профанов,

потому что кто начинал сколько-нибудь серьёзно работать в области исторической науки, не мог не видеть, до какой степени сложен исторический процесс и сколько нужно ещё сделать, чтобы придти к каким-либо прочным, не вызывающим основательных возражений выводам. И именно изучение самой истории не позволяло тому, кто ему предавался, увлечься бывшими очень распространенными в широких кругах взглядами, будто биологическая теория Дарвина включает в себе ключ к истинному пониманию сущности истории или будто весь секрет последней сводится к спенсеровскому закону эволюции, как интеграции, сопровождаемой дифференциацией. Полоса догматического увлечения экономическим материализмом Маркса и Энгельса тоже представляет собою не мало явлений, аналогичных тем, о которых сказано выше, и критическое отношение к этому учению тоже, как известно, сплошь и рядом отождествлялось с научным непониманием и с политической реакционностью.

Догматические увлечения весьма естественны при малом знании, но против малого знания самое действительное средство есть увеличение знания. Конечно, и пишущий эти строки в свое время отдавал дань таким увлечениям, но чем более знание его увеличивалось, тем более догматизм уступал критицизму. Я говорю здесь не об одном фактическому знанию, заключающем в себе научный материал для критики всяких теоретических построений с точки зрения их соответствия действительности, но и о знакомстве с разными другими, по возможности со всеми теоретическими построениями, а не с одним только тем, которое почему-либо было раньше других узно и усвоено.

Все идеи, все теории в данной области знания одинаково должны быть предметом совершенно однородного анализа, подвергнуты беспристрастной критике со стороны логики и со стороны фактов, — вот тот принцип, который мною руководил, когда я работал над своими «Основными вопросами философии истории», которые в подзаголовке и были обозначены, как «критика историософических идей». Одновременная критика нескольких теорий не может не сопровождаться их сопоставлением, постоянным сравнением их исходных пунктов, основных идей, важнейших выводов и принятием того, что во всём этом оказалось бы приемлемым со стороны логики и фактов. Тех же самых приемов держался я и в других своих трудах вообще, в особенности же во «Введении в изучение социологии». В науках, истины которых вообще покоятся на более прочных основаниях и пользуются общим признанием специалистов, нет надобности в сравнительно-критическом конфронтировании разных учений, но в таких случаях, как нас сейчас занимающий, без этого обойтись нельзя. В настоящее время так думают и те теоретики, которые крайне отрицательно относятся к содержанию прежних ненаучных теорий¹⁵, рассчитывая, однако, извлекать из них приемлемые результаты или заслуживающие внимания гипотезы¹⁶.

Занявшись систематическим изучением литературы по теории исторического процесса, в общем составе историко-философской литературы, начиная с Джамбаттиста Вико, жившего двести лет тому назад, я обнаружил и своевременно отметил одну особенность этой литературы, состоящую в том, что большинство авторов строилось, так сказать, на новых местах и по своим собственным планам, как будто до них никто нигде и никогда не делал того же самого. Научной преемственности как будто не существовало, и каждый как бы сызнова начинал создавать науку — *prolem sine matre creatam*). Не так создаётся настоящая наука: усилия предшественников должны быть перед глазами, и в самых их ошибках должны заключаться предостережения для позднейших исследователей. С другой стороны, изучая сочинения прежних теоретиков и философов, я не мог представить себе, чтобы в их взглядах, — если только последние не имели теологического или метафизического характера, — не было хоть маленькой доли истины, т. е. чтобы у этих взглядов не было никаких логических и фактических оснований, чтобы они не вытекали из каких-либо более или менее установленных истин и не являлись обобщениями из наблюдений над фактами. Беспреданно мне приходилось встречаться со своего рода «*sic ac non*», с диаметрально противоположными ответами на одни и те же вопросы. Эти ответы приходилось анализировать и доискиваться их оснований, которые и оказывались в той или другой мере приемлемыми, хотя бы с оговорками и урезками, — оказывались, поэтому не то что ложными, а лишь односторонними, преувеличенными, не в меру обобщающими и распространяющими на целое то, что правильно только по отношению к одной части, к одной стороне этого целого, к одной категории данного класса явлений. Правильным решением в таком случае приходилось признавать не то или другое, но и то, и другое, только в известных своих частях и в известной комбинации этих частей, или, говоря иначе, искомая истина находилась не в золотой середине, а в высшем синтезе, снимающем в себе противоречия тезиса и антитезиса.

¹⁵ Henri Berg в книге «La synthese en histoire» (стр. 39) пишет: «il ne faut pas faire table rase du passe, et l'histoire des systemes serait la premiere partie de la tache que nous cherchons en ce moment a preciser... Tout en voulant reagir contre la philosophie de l'histoire, nous protestons contre le dedain ou l'indifference de beaucoup d'historiens a l'egard des anciennes philosophies de l'histoire».

¹⁶ Тот же автор говорит ещё (стр. 260): *c'est travailler a la synthese que de faire l'histoire des conceptions historiques, que de chercher a degager, de ce long et multiple effort, les resultats acquis et les hypotheses vivaces.*

Золотой середины и быть не может там, где дается дилемма «или — или», как не может быть и чисто механического сложения $+ a c = a$, дающих в сумме нуль. Нет, здесь речь должна идти только о настоящем, синтезов, и этим путем я старался всегда идти, не останавливаясь на чисто отрицательных результатах критики чужих теорий. Такое сопоставление противоположных решений одних и тех же вопросов в целях, во-первых, их критики, которая вылущивала бы в каждом решении возможное в нём зерно истины, и, во-вторых, синтеза добытых результатов сделалось даже одним из обычных методов моих историологических рассуждений. Когда я ознакомился с большим количеством работ Фулье, я увидел, что он также систематически пользовался этим приемом в своих многочисленных философских работах, именно «методом примирения» (*methode de conciliation*), как он сам его обозначил.

В книге «Будущее метафизики» названный французский философ нашел нужным заняться отграничением своего «конциляционного» метода от простого эклектизма¹⁷. Я невольно вспоминаю здесь самозащиту Фурье, потому что мне самому часто приходилось встречаться и по своему адресу с обвинением в эклектизме за то, что я не становился решительно на сторону какой-либо теории, а старался соединять вместе отдельные элементы разных теорий, в том числе, и противоречивых. Если уже на то пошло, эклектическим путем развивается каждая наука, — эклектическим путем в смысле выбора¹⁸ приемлемого наукой из положений, высказывавшихся разными учеными и не всегда бывших верными. В этом не только нет ничего зазорного, но иначе наука и не может развиваться, лишь бы то или другое принималось ею в силу логической или фактической обоснованности, а не по каким-либо посторонним науке соображениям, моральным или политическим, как это было у блаженной памяти французских эклектиков первой половины XIX в.

Руководясь исключительно научными соображениями, логикой и фактами, а не голосом чувства или интереса, мы из массы того, что высказывалось другими, выбираем и соединяем вместе отдельные мысли, постоянно имея в виду, что они не могут находиться между собою в противоречии, что, наоборот, они должны быть между собою в такой согласии, которое позволяло бы представлять их в стройной системе. Это уже не эклектизм, сшивающий белыми нитками то, что ему понравилось или что он нашел выгодным, а именно синтез логически и фактически обоснованных положений, подвергавшихся научной критике и выдержавших это испытание. Легко сказать: «стань решительно на точку зрения какой-либо школы», но если каждую из них я нахожу односторонней и вместе с тем в каждой все-таки вижу долю истины. Легко также сказать: «ну, а в таком случае давай свою собственную теорию», но если я принципиально против всякого сочинительства, раз вся литература по философии истории представляется мне громадным полем с великим множеством начатых и неоконченных построек, а будь даже и оконченных, то оставшихся необитаемыми и часто совсем даже забытых!

Выше уже было сказано, что моим намерением в настоящей книге не было излагать, анализировать и критиковать чужие теории исторического процесса: заговорив о своем «конциляционном» методе их изучения, я хотел только показать, что в основу догматически излагаемой мною теории положен, как мне кажется, достаточно широкий синтез положительных истин, добытых прежними теоретиками истории, взятой в смысле жизни человечества в прошлом с её продолжением в настоящем. Никто никогда не создавал какую бы то ни было науку сразу, и общий трактат по любой науке является, в конце концов, подведением итогов под уже сделанным в ней другими учеными, а не изложением одних новых истин, открытых самим автором руководства. И в изложении теории истории нужно заботиться, прежде всего, о научной основательности, а не оригинальности и новизне излагаемого. Мы имеем слишком много философий (и теорий) истории и слишком много социологий, чтобы желать прибавления к существующим ещё таких, которые были бы опять новыми постройками на новых методах и по новым планам вне связи с прежними усилиями и добытыми результатами¹⁹.

Новые истины открываются частными исследователями, хотя, разумеется, и в общих трактатах не возбраняется высказывать новые мысли.

Об излагаемой мною теории исторического процесса нужно сказать ещё следующее. Выше было, между прочим, отмечено, что в подзаголовке «Основных вопросов философии истории» значилось, что это —

¹⁷ A. Fouillee. *L'avenir de la métaphysique fondée sur l'expérience* (1889), стр. 129 (§ под заглавием «Difference entre la methode de concialition, la méthode hégélienne et la méthode relectique»).

¹⁸ Греч. — выбирать, отбирать.

¹⁹ Читая уже называвшуюся выше книгу Л. Берна, я с сочувствием отчеркнул следующее место в предисловии к ней «ce n'est pas l'originalité que j'ai cherchée ici. Je me suis efforce, comme il convenait en matiere de science, non de créer une theorie neuve de l'histoire, mais de critiquer, d'utiliser, de faire aboutir les theories anterieures» (стр. X). Курсив мой; его цель обратить внимание на то, что именно это и есть путь науки — подвергать критике разные теории, отбирать в них приемлемое и подводить под этим итоги.

«критика историософических идей», но там, кроме того, было прибавлено: «и опыт теории прогресса». Обращаю внимание на последние слова, на то, что меня во время работы над этим трудом занимал не исторически процесс вообще, а, так сказать, квалифицированный исторический процесс, т. е. такой процесс, которым осуществляются в жизни человечества принципы истины и справедливости. Я могу теперь сказать, что историко-философская идея прогресса, собственно, и была исходным пунктом моего интереса к тем теоретическим, в области истории, вопросам, изучению которых я посвящал столько: времени и труда. Идея прогресса включает в себе элемент оценки, коего нет в понятии просто процесса. Прогресс, это — нечто, субъективно оцениваемое, процесс — нечто, объективно понимаемое, и то, что отправною точкою моего интереса к философии истории была идея прогресса, стоит в тесной связи с влиянием, какое на меня оказывали в семидесятых годах прошлого столетия (после Бокля и Конта) русские социологи: Лавров, Михайловский, Южаков.

Впоследствии теории двух первых стали называть «субъективной социологией» и даже говорили о «русской социологической школе», к которой удостоили причислять и меня. Особенность этой «школы», позволившая назвать её субъективною, заключалась в том, что в ней интерес к делам человеческим не ограничивался вопросами о том, что есть, но и распространялся на категорию долженствующего быть, с оценкой существующего с точки зрения должного. Представлениям о должном, или идеалам в этом круге идей придавалось особое значение среди факторов прогресса и особое значение личностям, проводящим эти идеалы в жизнь. Занимаясь теорией прогресса, как осуществления идеалов деятельностью личностей, я не мог, конечно, не поставить вопроса о самом, так сказать, механизме истории, о сущности исторического процесса безотносительно к тому, что же осуществляется этим процессом — благо или зло, прогресс или регресс. Решением таких вопросов об объективной сущности исторического процесса независимо от субъективной оценки действительного хода истории и её результатов и о роли человеческой личности в этом процессе, я и занялся во второй своей книге. Становясь на такую точку зрения, я не отказывался от того, что и раньше признавал, и теперь продолжаю признавать «законным субъективизмом», а только резче отделил вопрос о том, как совершается всякая история, от вопроса, совершается ли историей и как на самом деле происходит воплощение истины и справедливости в жизни человечества.

Я не буду спорить, если мне кто-либо теперь скажет, что правильнее было бы начать теоретическое исследование данного вопроса не с определения прогресса, которое не может не быть субъективным, а с объективного изучения исторического процесса, отвлеченно взятого, как особой формы мировой эволюции, и изучения его без всякого отношения к нашим желаниям, стремлениям, идеалам, вообще к понятиям добра и зла. Но это не значит, что рядом с такою научною задачею не может существовать другая — задача оценки действительного хода истории с точки зрения добра и зла.

Придавая книге о сущности исторического процесса и о роли личности в истории строго «объективистический» характер, я только резче разграничивал задачи объективного понимания и субъективной оценки, обособлял задачу строго научную от задачи чисто философской, отнюдь не отрицая права второй из них на самостоятельное существование.

В последнем десятилетии XIX века, «субъективная социология» (или «русская социологическая школа») подверглась резкому нападению со стороны экономического материализма, который до сих пор продолжает оказывать влияние на историологическую мысль. Во время полемики, вызванной выступлением экономических материалистов против «субъективной социологии», полемики, сильно осложнявшейся разногласием политических программ марксистов и народников, почти совершенно незамеченною осталась у нас происходившая в Германии полемика индивидуалистического и коллективистического направлений («старого» и «нового») в историографии, впрочем, и не дававшая ничего нового для нас, русских, которые уже раньше много об этом и думали, и говорили. Наши споры по вопросам историологии касались не только вопроса об идеологическом или экономическом понимании движущей силы в историческом процессе, но и о роли в нём человеческой личности с её внутренними переживаниями и внешними, действительными проявлениями. Те нападения, которые экономическими материалистами были сделаны на «субъективную социологию», менее всего касались вопросов, специально занимавших меня в «Сущности исторического процесса», ибо в этой книге главное — вопрос не о том, идеология ли или экономика двигают историческую жизнь вперед и вообще вызывают в ней существенные перемены, а о пассивности или активности человека в историческом процессе и о механизме человеческих взаимодействий, вопрос, прибавлю, остающийся для меня одним и тем же, на какую бы из двух точек зрения (и из других ещё возможных) я ни стал.

С экономическим материализмом я поступил так же, как поступал и с другими историологическими теориями.

Отказавшись от всякой личной полемики, подобной той, какую вел в восьмидесятых годах, защищая свои «Основные вопросы», я подверг это учение принципиальной критики в целом ряде статей и в книге «Старые и новые этюды об экономическом материализме», дабы потом во «Введении в изучение социологии» ввести это учение в круг других направлений социологии для сопоставления и сравнения его с

ними в интересах будущего социологического синтеза. Экономический материализм не создал, по-моему мнению, цельной и всеобъемлющей теории исторического процесса, но он, несомненно, обогатил её той частью своего содержания, против которой беспристрастная критика возразить ничего не может. С точки зрения экономического материализма в историческом процессе объясняется многое, даже очень многое, но далеко не всё: ошибка его последователей — та, что они настаивают на необходимости выводить все из одного начала, объясняющего только нечто, хотя бы это нечто и было очень важным. Во всяком случае, экономически материализм дал не мало ценных элементов для историологического синтеза: и односторонние теории при надлежащем пользовании ими заключают в себе много важного для понимания сущности исторического процесса.

Для того, чтобы это понимание было научным, его нужно вообще отделять от всего, в чем замешаны наши вкусы, интересы, идеалы. «Субъективная социология» была тесно связана с «народническим» социализмом, представлявшим собою чисто практическую программу, которая сама вовсе не вытекала из понимания Лавровым или Михайловским того, как совершается всякая история. В своих «Старых и новых этюдах» я старался доказать, что и экономический материализм представляющий собою официальную историологию социал-демократии, вовсе не так от неё логически неотделим, чтобы нельзя было представить себе социал-демократа, который не был бы экономическим материалистом, или экономического материалиста, который не был бы социал-демократом. Пример последнего сочетания уже был тогда в лице известного Ахилла Лория, а вскоре после выхода в свет моих «этюдов» Эдуард Бернштейн своим выступлением в «Предпосылках социализма» фактически доказал и возможность существования социал-демократа, не верящего в догмат экономического материализма.

Теория исторического процесса, как и всякая другая научная теория, должна быть теорией самодовлеющей, отнюдь не обоснованием или оправданием какого бы то ни было политического направления — ни реакции, ни консерватизма, ни либерализма, ни радикализма, ни социализма, ни коммунизма, ни анархизма: это все направления к тому или другому стремящейся воли, тому или другому симпатизирующего чувства, а не познающей, добывающейся понимания мысли. Теория исторического процесса должна основываться исключительно на логическом и фактическом фундаментах без малейшей примеси чего-либо, что имеет свой корень в общественной партийности. Она должна показать, как вообще совершается история, и показать с такою убедительностью, чтобы это было одинаково понятно и доказательно для людей, которые в других отношениях разделяются на самые непримиримые лагеря. И самый завзятый ретроград, и наиболее ярый революционер одинаково должны признавать, наприим., что дважды два четыре, что площадь треугольника равна половине произведения основания на высоту, что тела притягиваются прямо пропорционально массам и обратно пропорционально квадратам расстояний между ними, что вода состоит из водорода и кислорода и т. п., почему же они должны думать различно о том, как совершается история, сколько бы ни было разногласий между ними в понимании своих и чужих прав или того, чем должно быть человеческое общество? Разумеется, до такой теории истории далеко, но это все-таки идеал, к которому нужно стремиться. Лучшее средство в деле приближения к подобной цели, это — постоянно различать категории данного в опыте (сущего) и желательного (должного), и потому отделять теоретическое понимание происходящего в действительности от практических требований, предъявляемых нами к будущему, иными словами, не связывать этого понимание со своими общественными стремлениями, тем более что должное не вытекает логически из данного в опыте.

Я знаю, что исполнено этого требования очень трудно, но это — не что иное, как требование истинной научности. Отграничение объективно-теоретического понимания исторической жизни от установления практических требований, могущих быть предъявленными к этой жизни, во не могущих не быть субъективными, пожалуй, покажется неправильные людям, мало знакомым с условиями научности всякого знания, и против такого отграничения многие, пожалуй, выдвинуть аргументы того современного философского направления, которое известно под названием прагматизма. Здесь не место доказывать, что не следует смешивать категорий сущего и должного, что то и другое познаётся разными путями, что цели познания того и другого совершенно различны, и что, наконец, познание в строгом смысле слова может относиться лишь к тому, что уже существует или существовало, а не к тому, существования чего мы только желаем или добиваемся. ещё менее я нахожу возможным критиковать здесь прагматизм в той его стороне, которая состоит в смешении стремлений ума и стремлений воли. Правда, в прагматизме есть нечто родственное так называемой «субъективной социологии», но лично я никогда сам не говорил о субъективном «методе», признавая законность только одного метода-объективного, и весь защищавшийся мною субъективизм, — который я и называю законным в отличие от разных видов субъективизма незаконного, — сводился лишь к оценке того, что нами констатировано при соблюдении правил логики и на основании объективных фактов. К числу проявлений незаконного субъективизма я отношу вместе с субъективизмом национальным или конфессиональным, против которых раньше особенно считал нужным бороться, ещё субъективизм партийный и классовый, который провозгласили в науке сторонники экономического

материализма. Принадлежность научного работника к какой-либо национальности, вероисповеданию, сословию, социальному классу, политической партии обусловлена или внешними обстоятельствами его рождения и воспитания, или внутренними свойствами его ума, темперамента, характера, а это все такие условия, от которых логическое мышление никоим образом не может зависеть и которые в познании действительности не объединяют людей, как это делает логика, а разделяют на враждебные и друг друга не понимающие группы.

«Законный субъективизм»; защищавшейся мною в «Основных вопросах», есть субъективизм этический, и на этой точке зрения я продолжаю стоять и в настоящей книге: если я в чем-либо отступаю от прежнего взгляда на этот предмет, то лишь в призывании всего, относящегося к категории должного, не интегральной частью научной теории исторического процесса, а философским к ней придатком, вполне, впрочем, законным.

Устранение субъективного элемента из теории исторического процесса, отвлеченно взятого, устранение, произведенное мною ещё в книги «Сущность исторического процесса и роль личности в истории», вероятно, сильно обесценит излагаемые в моем курсе историологические взгляды в глазах читателей, которые ищут во всякой исторической теории как обещаний относительно будущего, так и руководящих идей для деятельности в настоящем, не столько, значит, знания, сколько веры. Я отнюдь не осуждаю этого искать и, наоборот, признаю его законность, его важность, как искания смысла жизни, нравственного и общественного идеала, высшей правды, что и подчеркивал постоянно в своих писаниях для молодежи²⁰, — но у холодного и бесстрастного познания действительности задача совсем иная, какие бы применения из выводов науки потом и ни делались в самой жизни. То, что по аналогии с одним недавно возникшим термином я назвал бы вероискательством, особенно проявляется в молодежи, в которой довольно сильны догматические привычки мысли, мало ещё дисциплинированной практикою научного анализа и философской критики, но ни над чем так хорошо нельзя упражнять логическое мышление, как над вещами безразличными в отношении наших чувствований и стремлений, нашей воли.

Различая в историческом знании реальную и формальную сторону, некоторое что, затрагивающее эмоциональную и волевую сторону нашей психики, и некоторое как, способное заинтересовать только наш ум, я в теории исторического процесса вижу только это как истории, такое же, в сущности, с каким мы имеем дело в других частных теориях действительности, ставящих, например, следующие вопросы: как возникла солнечная система? Как совершаются движения планет вокруг солнца и их спутников вокруг планет? Как образовались на земле горы? Как происходит изменение видов животного и растительного царств? Как в растениях вырабатывается хлорофилл? Как действует человеческий глаз? Как происходит ассоциация представлений? Как возникло у людей государство? Как устанавливается равновесие между спросом и предложением? Как кровавая месть заменилась вирой? Как был изобретен телеграф? Как отражаются технические изобретения на промышленности? Как происходит замена абсолютизма конституционным строем? Все это — вопросы о способах, путях, последовательностях, порядках, формах происхождения и развития всего доступного нашему внешнему и внутреннему опыту, всего, что способно приковывать к себе наше внимание лишь потому, что находится в поле нашего зрения, вами наблюдается, возбуждает наше любопытство, заставляет нас ставить вопросы: «почему, да как», безотносительно к каким бы то ни было нашим стремлениям. Такие же «как» и «почему» возникают в нашем уме и при созерцании перемен, происходящих и происходивших в исторической жизни человечества. Задача теории исторического процесса — ответить на эти вопросы, руководствуясь исключительно логикою и фактами и всячески остерегаясь того, как бы ответы на отдельные теоретические вопросы не стали подсказываться нам нашими чаяниями, упованиями, желаниями, интересами.

Есть две основные веры, чаяния и упования которых оказывали большее или меньшее влияние на понимание сущности исторического процесса. Психологически, как известно, знание и вера в смысле «переживаний уверенности в истинности некоторых из наших мыслей»²¹ неразличимы, и вся разница между ними заключается в том, обоснована ли данная мысль удовлетворительными с логической точки зрения доказательствами, или же в истинности данной мысли мы уверены без каких-либо строго логических доказательств.

Идея прогресса, как показывает её история²², имеет двоякий корень: в логических выводах из

²⁰ Письма к учащейся молодежи о самообразовании. — Беседы о выработке миросозерцания — Мысли об основах нравственности. — Мысли о сущности общественной деятельности. — Идеалы общего образования.

²¹ А. И. Введенский. Логика, как часть теории познания (1912), стр. 13–14.

²² См. мою статью об этом в I томе «Собрания сочинений» и ниже.

известных наблюдений над действительностью и в чаяниях нашего сердца, в вере в то, что у исторического процесса есть высшая цель, придающая ему разумный смысл. Логически последнее недоказуемо, и потому здесь мы имеем дело с верою, а не со знанием. Между тем едва только стали зарождаться мысли о теории исторического процесса, они под влиянием некоторого безотчетного оптимизма, почти неразрывно связанного с самою жизнью, начали принимать характер известного рода верований.

Одна из вер в прогрессивность истории имеет свой корень в религиозном мирозерцании, точнее говоря в христианстве, в его провиденциализме: Божественное Провидение неисповедимыми путями ведет человечество к высшему совершенству, как истинной цели всемирной истории. Метафизические системы, с пантеистической окраскою в роде гегельянства, приписали всемирной истории имманентную прогрессивность, поняв ее, как постепенное самораскрытие мировой сущности в полном её совершенстве. Даже на почве философского пессимизма, в системах Гартмана и Майнлендера²³, исторический процесс был понят, как постепенное разрушение иллюзий, приводящее, в конце концов, к вожделенной Нирване, или как искупление от основного греха, заключающегося в самом бытии. Контовский позитивизм, отвергший всякие теологические и метафизические предпосылки, понял историю, равным образом, как процесс, управляемый одним основным законом, постепенно поднимающим человечество на высоту возможного для него на земле совершенства.

Прогресс присущ истории, зависит ли это от благодати Божьей, или от внутренней сущности истории, или же от естественного закона, ею управляющего, — вот одна вера с разными лишь оттенками. Я не закрываю глаза на тот факт, что эта вера была и моей верой, которой я стремился дать наукообразное изложение в виде «номологии прогресса», т. е. теории законов, управляющих прогрессом, как таковым²⁴. В сущности, на почве такой же веры в то, что история сама собою («*evolution spontanée*» Конта) осуществляет процесс, являющейся поэтому основным её законом, стоит и экономический материализм. Русские марксисты даже особенно подчеркивали имманентную стихийность осуществления историей идеала (в данном случае социалистического), яростно нападая на «роль личности в истории», т. е. на учет о том, что осуществление идеала создается людскими усилиями. Чтобы оценить значение этого факта, не будем забывать генетической связи экономического материализма с гегельянством.

Другая вера, оказавшая влияние на понимание того, как совершается всякая история, есть как раз вера в творческие силы человеческой личности, в значение сознательной, преднамеренной, ставящей себе цели, стремящейся их достигнуть, осуществляющей то, что раньше было только идеалом, деятельности людей и среди них, прежде всего, инициаторов, реформаторов, вождей. Эволюцию этой веры от рационализма XVIII в., её породившая, через левое гегельянство, к ней пришедшее, до русской субъективной социологии можно тоже проследить исторически. Самого яркого выражения теория личности достигла в «Исторических письмах» Лаврова, писавшего под псевдонимом Миртова²⁵. Я уже упоминал, что на моих взглядах, в период писания «Основных вопросов» сказалось в большой мере влияние Лаврова, но уже в «Сущности исторического процесса» я разграничил во взгляде Лаврова элементы рационалистической веры XVIII в. и научного знания нашего времени²⁶.

В только что названной книге, как было уже в своем месте указано, вопрос о сущности исторического процесса был отрешен от вопроса о его прогрессивности и о том, в чем состоит идеал совершенного и блаженного состояния человечества. Один вопрос, который здесь решался, касался дилеммы, говоря коротко, саморазвития и людского действия, — и решался в смысле синтеза верных сторон обеих теорий, ибо ни та, ни другая, собственно, не лишены фактических и логических основами. С этим вопросом в тесную связь был поставлен другой о роли единичных личностей и масс, причем такую антитезу я не мог не признать нелогичной. Когда уже после выхода в свет «Сущности исторического процесса» разгоралась в Германии полемика между представителями нового, «коллективистическая» и старого, «индивидуалистического» направления в исторической науке, для меня в ней не оказалось ничего такого, чем можно было бы воспользоваться для дальнейшего теоретического синтеза.

Таков генезис второй части настоящего труда или, вернее, излагаемой в этой части теории. Уже из такого краткого очерка читатель мог усмотреть, что, поставив себе синтетическую задачу, я широко пользовался и тем материалом, который давала мне русская литература. Вопросы, меня интересовавшие,

²³ О. В. Ф. И., кн. И, гл. 5.

²⁴ См. мою статью об этом в I томе «Собрания сочинений» и ниже.

²⁵ О. В. Ф. И., кн. И, гл. 5.

²⁶ О. В. Ф. И. Так обозначена была одна из частей этой книги.

четверть века тому назад обходились академической наукою, и их дебатировала, главным образом, общая журналистика. Уже тогда, в статье «Мечта и правда о русской науке»²⁷, я позволил себе отметить недостаточное внимание, уделявшееся в наших учёных сферах продуктам русской мысли, не имевшим академического штемпеля, и даже вообще многому, написанному по-русски. «Разве может быть что-либо хорошее из Назарета?» — невольно приходит на память этот скептический вопрос, когда встречаешься с проявлениями малого интереса русских ученых к тому, что написано по-русски, при большом внимании иногда к очень неважным явлениям в литературах иностранных.

Тем смелее я это говорю, что тут нет «pro domo sua»: если здесь есть чувство обиды, то не за себя, а за русскую литературу, за русскую науку, за русскую мысль, которые обычно игнорируются не только на Западе²⁸, но нередко и нами самими. Никто, надеюсь, не заподозрит меня в националистическом субъективизме, но с моей стороны было бы несправедливо, рассказывая, как шла работа, легшая в основу новой моей книги, не сказать слова благодарности той русской прогрессивной журналистике, которой я считаю себя многим обязанным в отношении своих историологических взглядов. Такое слово благодарности я уже однажды произнес в предисловии к VI тому своей «Истории Западной Европы»²⁹, оканчивая изложение в нем истории XIX в., ибо и с нею я также начал знакомиться по журнальным статьям.

Часть I Теория исторического знания

I Что такое теория истории?

Я начну с объяснения термина «теория истории», стоящего в заголовке этой книги. По своему первоначальному значению в греческом языке слова «теория» и «история» очень близки одно к другому: первое толкуется, как рассматривание, созерцание, ученое познание и т. п.³⁰, второе — как разузнавание, изложение добытых сведений, известное знание³¹, но в то же время слово «история» обозначает и ничто иное, а именно не самое знание, а то, что служит предметом этого знания. Говоря коротко, напр., в астрономии, изучается мир небесных тел, в зоологии и ботанике — мир органических существ и т. д., в истории же, взятой в смысле известного знания, изучается тоже история, но уже взятая в смысле некоторого прошлого, подлежащего изучению.

Другими словами, термин «история» употребляется в двух разных значениях, в смысле вообще знания или науки, и в смысле совокупности явлений прошлого. К первому словоупотреблению относится, наприм., выражение «естественная история», ко второму такие сочетания слов, как история солнечной системы, история земного шара, история органической жизни на земле и пр. и пр., противоположаемые их настоящему, т. е. современному состоянию солнечной системы, земного шара, органической жизни и т. д. Впрочем, во всех случаях употребления слова «история» во втором смысле само оно, это слово, требует дополнения в виде указания на то, прошлое чего же именно имеется в виду, но когда наш термин не сопровождается таким дополнением, когда говорят просто об истории, никто не сомневается, что речь идет о прошлом какого-либо народа или государства, общее говоря, о человеческом прошлом.

Это элементарное разъяснение я считал нужным сделать к виду того, что в литературе по теории истории нередко наблюдается смешение задач теории истории, как науки, и истории, в смысле того, что эту наукою изучается. Теория исторического знания, значит, есть одно, теория исторического процесса совсем

²⁷ См. статью мою «Теория личности П. Л. Лаврова», перепечатанную во II томе «Собрания сочинений».

²⁸ В статье своей «Два новых немецких историографических труда» (Журн. Мин. Нар. Просв., за 1911 г., № 1) я отметил, что несколькими и немецкими составителями историографических указателей, в которых говорится и о русской истории, не названы, напр., ни Соловьев, ни Ключевский. Напрасно мы стали бы искать указаний на русские исторические труды — и у Бернгейма или Бerra.

²⁹ Стр. VIII–XIX второй части указанного тома.

³⁰ В корне греч. слова *ἱστορίᾱ* мы имеем *ἰδ* с значением видеть (лат. *videre*) и *видать*, откуда *ἱστωρ* — сведущий, знающий, знаток, *ἱστρέω* — разузнаваю, расследываю, расспрашиваю (и рассказываю), и *ἱστορίᾱ*.

³¹ Кареев Н.И. Из лекций по общей теории истории. Теория исторического знания. Часть I. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1913. С. 43.

другое. Я бы сказал даже, что есть не одна, а две теории или, по крайней мере, две совершенно самостоятельные части единой теории, имеющей дело с прошлым народов, государств, человечества, Сообразно с этим в настоящей книге оба предмета и трактуются отдельно.

Каждая из этих двух теорий имеет свои особые вопросы, которые не должно смешивать одни с другими.

Перечислю некоторые вопросы теории исторического знания и теории исторического процесса. В первой это будут, наприим., такие вопросы: как возможно знание прошлого, и в каком смысле оно может быть научным? Имеет ли, далее, сама история вообще право называться наукой? В частности, в чем заключаются источники исторического знания? Что составляет его предмет? Какие его задачи? Какими приёмами исследования должна пользоваться история для добывания научных истин? Вопрос о приемах исторического исследования, о путях достижения истины, иначе говоря, об историческом методе является в теории истории, как науки, даже прямо доминирующим, и многие, поэтому готовы называть её «историческою методологией»³². Кроме некоторой общей логики, каждая наука должна иметь свою особую, так сказать, частную логику, и в этом отношении история не может и не должна составлять исключения: историческая наука тоже имеет свою специальную логику, с одной стороны, разрешающую принципиальные вопросы гносеологии, т. е. теории познания вообще, в их применении к вопросам исторического знания, а с другой рассматривающей чисто уже технические вопросы о приёмах исторического исследования³³.

Совсем иной характер имеют вопросы не о том, как прошлое познаётся, а о том, как совершается то, что нами здесь познаётся. Историческое знание, как сказано, есть одно, исторический процесс — другое. Прибавлю, что в науке прошлое берется, именно как процесс, как нечто «идушее вперед» (от лат. *procedo*) во времени, последовательно совершающееся, и в чем последующее тесно связано с предыдущим, как, наприим., в процессе патологическом (в том порядке, в каком протекает известная болезнь) или в процессе судебном (в том порядке, в каком ведется какое-либо «дело»), — обобщая в одном понятии процесса и естественный ход вещей, и установленную людьми последовательность действий.

Когда мы говорим об истории, как об известной категории великого множества разнообразных процессов, происходящих в Мире, мы, прежде всего, хотим знать, в каком отношении исторический процесс, совершающийся в человечестве, находится к разным процессам, имеющимся в природе, вполне ли он с ними тождественен или от них чем-либо особенным отличается. На этой почве возникает целый ряд вопросов о характере исторического процесса по сравнению с процессами, совершающимися в природе, и часть этих вопросов решается в теориях общефилософского содержания, другая же — лишь на основании изучения самой истории.

Одних общих соображений о том, как все в мире происходит, ещё недостаточно для построения теории исторического процесса, как такового: здесь ещё нужны выводы из наблюдений над тем, как совершалась история, нужны научные итоги под массой изученных исторических фактов.

Если теория исторического знания, как частный случай научной логики, находится в тесной связи с гносеологией, теорией познания вообще, то теория исторического процесса теснейшим образом связана с тою общею наукою о человеческом обществе, которая называется социологией.

Исторический процесс совершается в человеческих обществах — в народах, в государствах и т. п., т. е. исторический процесс есть процесс общественный, задача же социологии и заключается в изучении общих законов тех явлений, которые происходят в общественной жизни людей и которые мы, как именно явления чисто общественные, отличаем, наприим., от явлений жизни физической (органической) у членов того же общества. Конт, инициатор социологии, как науки о законах социальных явлений, предложил разделить её на социальную статику и на социальную динамику, изучающие, одна — законы сосуществования, другая — законы последовательности этих явлений. Сам он, вместо социальной статики, дал, однако, в своем «Курсе положительной философии» не анализ сил и факторов, действующих в истории, и её механизма, как следовало бы, а общую картину истории человечества, как она ему представлялась, но, в сущности, теория

³² Бернгейм в «*Lelirbuch der historischen Methode*» под ме-тодологией понимает общее учение о существе (*Begriff und Wesen*) метода какой-либо науки, относя вытекающие из него отдельные приёмы (*methodischen Grundsätze und Kunstgriffe*) к области методологии. *Lehrbuch*, стр. 158. У нас принято, — как это, между прочим, отмечено в «Логике» А. И. Введенского (стр. 123), — называть методикой какой-либо науки учение о методах её преподавания.

³³ О связи, интересующей нас научной дисциплины с теорией познания см. G. Simmel. *Die Probleme der Geschichtsphilosophie* (2 изд. 1905). Эту свою книгу автор сам определяет, как «eine erkenntnistheoretische Studie», в которой рассматривается проблема: «wie aus dem Stoffe der unmittelbaren, gelebten Wirklichkeit das theoretische Gebilde werde das wir Geschichte nennen». В технических приемах исторической науки он видит орудия, имеющие значение для достижения познавательных целей лишь на почве логических и психологических предпосылок.

исторического процесса и есть своего рода социальная динамика.³⁴

Истории отдельных народов непохожи одни на другие, и мыслители много бились над разрешением вопроса о том, что в отдельных случаях обуславливало такое, а не иное течение истории. Вот один из вопросов теории исторического процесса. Далее, какие силы вообще являются движущими в истории или источниками наблюдаемых в ней перемен? Какие факторы участвуют в историческом процессе и какой фактор играет в нем какую роль? Какое значение принадлежит в нем сознанию и намерениям, усилиям и действиям отдельных личностей? Все это — тоже вопросы теории исторического процесса, совершенно отличные, как мы видим, от вопросов теории исторического знания. Последние относятся к области науки (знания), а те — к области жизни (бытия), как бы иногда о категории ни переплетались между собою, и как бы часто от решения одних вопросов ни зависело решение других.

В дальнейшем, ради избежания длинных обозначений «теория исторического знания» и «теория исторического процесса» я буду по временам употреблять для первой термин «историка», заимствованный у немцев (*die Historik*), для второй термин «историология», прилагательными от которых будут «историцистический» и «историологический». Все вопросы в обеих частях теории истории могут быть разделены на общефилософские и специально-исторические. Первые, как мы видели, касаются общих принципов знания и бытия: это — проблемы гносеологии и онтологии, двух больших отделов философии, рассматривающих именно и наше знание вообще и вообще же подлежащее нашему познанию бытие.

Вопросы этого рода можно было бы назвать историко-философскими, если бы термин «философия истории» не имел других значений и не употреблялся притом в очень различных смыслах. Гносеологические и онтологические вопросы общей теории истории, в сущности, являются общефилософскими вопросами, только взятыми в применении к историческому знанию и историческому процессу. Специальные вопросы историки и историологии суть те, которые касаются только одной истории, взятой в обоих же смыслах этого слова. Конечно, значение общефилософских и специально исторических вопросов теории весьма различно, и интерес к ним бывает разный, с одной стороны, у людей, делающих историю своею научною специальностью, и просто образованных людей, желающих знать прошлое, с другой.

Специальные вопросы историки касаются, главным образом, того, что может быть обозначено, как техника исторической методологии. Понятно, что вопросы этого рода могут интересовать преимущественно только историков, начиная теми, которые занимаются научными исследованиями в области прошлого, и кончая теми, которые только приступают к систематическим занятиям этою наукою. Каждая человеческая деятельность имеет свою технику, и каждая техника, — лучше всего усваиваемая на практике, — может иметь свою теорию. Научная работа историка совершается при помощи известных приемов и требует соблюдения известных правил. Эти приемы лучше всего усваиваются навыком, путем практики, иногда требующей притом особых способностей и специфической подготовки: учителю здесь приходится действовать на ученика не столько рассказом, сколько показом.

С другой стороны, однако, нужен и рассказ — и в смысле установления известных правил, соблюдение которых является необходимым условием научности работы, и в смысле рационального обоснования этих правил. В этом и заключается смысл существования исторической методологии, как самой существенной части историки, взятой в её специальной стороне. Для профанов в исторической науке все эти её методологические вопросы и даже вся её гносеологическая сторона, в широком смысле последнего слова, не может представлять большого интереса, чтобы не сказать: не имеет почти никакого интереса.

Совсем иное отношение обнаруживает просто образованная публика к социологической стороне истории, которою эта наука соприкасается с интересом к общественной жизни, научая нас известным образом понимать последнюю. Как добывается научное знание в истории, это — вопрос, прежде всего, затрагивающий настоящих или будущих специалистов истории, но вопрос о сущности исторического процесса заинтересовывает всякого, кто способен видеть в окружающей его действительности лишь один из моментов исторической жизни, завтра же имеющий сделаться прошлым, и кто не в состоянии равнодушно относиться к политическим, социальным и культурным зловым дням, а потому стремится не только понять, но и оценить то, что вокруг него происходит.

Если отвлеченная наука интересуется тем, как совершался на самом деле ход истории и как вообще делается история, отказываясь при этом от всякой субъективной оценки прошлого, поскольку это не дело науки вообще, то из этого ещё не следует, чтобы наука была чем-то оторванным от жизни, чтобы жизнь не ставила науке своих требований и чтобы добытое наукою не становилось как предметом нашей субъективной оценки, так и средством в достижения наших практических целей.

Наука нам помогает понять жизнь, но сама жизнь заключается в наших чувствованиях и в нашей деятельности. Как ни важно для понимания самой исторической жизни общее учение о том, как же

³⁴ Кареев Н.И. Из лекций по общей теории истории. Теория исторического знания. Часть I. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1913. С. 47.

происходит исторически процесс, взятый отвлеченно, для громадного большинства не-историков, способных интересоваться историологическими вопросами, последние имеют не столько научное, теоретическое, сколько жизненное, практическое значение. С оценкою истории в прошлом с точки зрения наших потребностей и стремлений, неразрывно связываются известные, хотя бы даже расплывчатые и туманные, желания относительно будущего. Вопрос о жизненном интересе к истории не может быть устранен из её теории. Само развитие исторической науки совершается под влиянием жизни, требования которой нередко находятся в вопиющем противоречии с теми правилами, какие выработала себе историческая наука. С другой стороны, научное знание вообще и в частности историческое знание является одним из важных факторов современной жизни, оказывающих на неё свое влияние. Вопросы о том, в каких отношениях между собою должны находиться историческая наука и общественная жизнь, в чем должна заключаться автономность исторического знания и как вместе с тем оно должно служить жизни, какую пользу обществу может приносить изучение истории, способна ли последняя служить основой для прогнозов касательно будущего, какое влияние оказывается историческим образованием на внутренние переживания и на внешнюю деятельность членов общества, все это — вопросы, так или иначе касающиеся не только самого исторического знания, но и исторического процесса, поскольку в нем участвуют (если только участвуют) сознание вообще и в частности те или другие представления и понятия, вырабатываемые историческою наукою.

Не только взаимные отношения исторической науки и общественной жизни заслуживают большого внимания в общей теории истории (в обеих частях последней), но и те отношения, какие возникают между историческим знанием и моральными запросами отдельной личности. Если для ученого специалиста история есть, прежде всего, дело бесстрастной и бескорыстной любознательности по отношению к бывшему, как оно было, то для человека, взятого не со стороны одной познавательной своей способности, а как существа, способного ещё и чувствовать, и оценивать, возникает на почве созерцания прошлых судеб человечества и его настоящего также и вопрос о смысле истории, отрывающей человека от научного знания и уносящий в область моральных чаяний и упований.

Кто знаком с историей возникновения и развития историологических теорий приблизительно второй половины XVIII в., тот хорошо должен знать, что центральным их вопросом с самого же начала сделался вопрос о совершающемся в истории прогрессе. В XIX в., как мы ещё увидим, идея прогресса, заключающая в себе оценку прошлого, была заменена понятием эволюции, из которого был исключен всякий элемент оценки: вопрос об этих двух отношениях к прошлому (субъективном и объективном) также не может быть исключен из общей теории истории, в какую бы сторону он ни был разрешен.

Споры в общей теории истории, конечно, не ограничиваются только что указанным вопросом.

Уже одно то, что в число её основных вопросов входит много таких, которые имеют гносеологическое и социологическое содержание, — влечет за собою, при существовании и в гносеологии, и в социологии разных направлений, необходимость считаться с существованием весьма различных ответов на одни и те же вопросы, смотря по тому, какой гносеологической или социологической точки зрения держится тот или другой автор. За последнее время историко-теоретическая литература значительно разрослась, и в ней, понятно, по многим важным пунктам обнаружилось разногласия, требующие, прежде всего критического отношения к ответам, дающимся на спорные вопросы. Чисто догматическое изложение в общей теории истории возможно лишь по отношению, главным образом, вопросов методологического характера: есть, в самом деле, пункты, относительно которых можно считать согласными между собою всех научно работающих историков, и в этой своей части теория истории, как нормативная дисциплина, формулирующая правила, каких в своей работе должен держаться каждый историк, может считаться вполне прочно установленным научным знанием.

II

Есть ли история наука?

Первый вопрос историки, подлежащей нашему рассмотрению, касается права истории именоваться наукою.

В настоящее время в большом ходу выражение «историческая наука» (*la science historique, die Geschichts-Wissenschaft*), но ещё сто и даже меньше лет тому назад, вместо этого, был в ходу термин «историческое искусство» (*l'art historique, die historische Kunst*).

В старых трактатах по историке истории обыкновенно отводилось место рядом с другими изобразительными искусствами вообще и в частности в ближайшем соседстве с тем изобразительным искусством, которое, как и история, пользуется средствами человеческого слова, т. е. с поэзией. Между поэзией и историей, как двумя словесно-изобразительными искусствами, старые теоретики «исторического искусства» полагали разницу в том, что последнее должно воспроизводить действительность, каковою она

была на самом деле, тогда как поэзия воспроизводит ее, какова она бывает или только могла бы или должна была бы быть. С такой точки зрения истории мыслилась, как нечто более всего родственное эпическим видам поэзии — поэме, роману, а иные готовы были даже думать, что исторический роман, пожалуй, вполне может заменить собою историю в качестве художественного воспроизведения прошлого.

В настоящее время едва ли кто-либо из теоретиков истории вернулся бы к такой именно точки зрения, но и теперь ещё раздаются голоса в пользу, взгляда на истории, как на искусство, — голоса, впрочем, очень немногих, касавшихся вопроса о том, что же такое представляет собою история. Если термин «историческое искусство», бывший во всеобщем употреблении ещё в начале XIX в. (и даже позднее), к концу XIX в. заменился термином «историческая наука», то это указывает лишь на то, что и сама история, и взгляды на неё в течение этого столетия сильно изменились. Во Франции до сих пор делается различие между «науками» (sciences), под которыми разумеются математика и естествознание, с одной стороны, и «словесностью» (lettres), к которой причисляется и история с другой, но, тем не менее, и выражение «историческая наука» (la science historique) пользуется правом гражданства.

Было, однако, время, когда приходилось говорить лишь о возможности и для истории сделаться наукою или называться наукою. Когда, напр., в середине прошлого столетия Бокль, в своей знаменитой «Истории цивилизации в Англии», с большою резкостью напал на научную отсталость истории, один из видных тогдашних немецких историков, Дройзен, написал по поводу взглядов Бокля статью под характерным названием «Возведение истории на степень науки» (Die Erhebung der Geschichte zum Eng einer Wissenschaft). Здесь не место рассматривать, в чем прав и в чем, быть может, и неправ был Бокль, и что дала сама критика Дройзена: характерна самая мысль о необходимости возведения истории на степень науки, — той самой истории, для которой ещё так недавно отводилось место среди других изобразительных искусств.

Посмотрим теперь, в чем разница между искусством и наукою: для решения вопроса о том, что такое история в её теперешнем состоянии и теперешнем понимании, мы здесь не можем обойтись без установления основного различия, существующего между искусством и наукою.

Историю причисляли к искусствам изобразительным, к числу каковых принадлежат скульптура, живопись и поэзия. Главную задачу таких видов искусства теоретики, относившие к ним и историю, полагали в воспроизведении действительности при помощи резца, кисти, слова. Бюст, изваянный художником, может быть и изображением действительно существующего или существовавшая) лица, его портретом, более или менее на него похожим, и продуктом чистой творческой фантазии скульптора, но воспроизводящим все-таки человеческое же лицо.

Пейзаж, написанный масляными красками на полотна, равным образом, может быть и списанным с природы, и являться лишь воспроизведением того, что живописец представил себе в своем воображении. Совершенно так же понималось и различие между рассказами о чем-нибудь таком, что имело место в действительности, и о чем-нибудь выдуманном, между историей и поэзией, т. е. в обоих случаях имелось в виду творческое воспроизведение в художественном повествовании каких-либо событий, и вся разница состояла только в том, что в одних случаях события эти когда-то были на самом деле, а в других они являлись лишь выдумкою рассказчика.

Задача науки не в том, чтобы воспроизводить или изображать действительность, а в том, чтобы её понимать. В самой основе работы ученого и художника над своим материалом мы имеем дело с разными психическими процессами, т. е. другими словами, занятия наукой и искусством требуют от людей, им предающихся, далеко не однородных способностей, ибо приемы научной и художественной работы не одни и те же. В создании произведения искусства главную роль играет то, что принято называть творчеством, тогда как всякий научный труд создается тем, чему мы даем имя исследования: одна работа имеет преимущественно синтетический характер, другая — характер аналитический.

Воспроизведение черт чьего-либо лица, какого-нибудь ландшафта, того или другого события представляет собою такую же творческую работу при помощи резца, кисти, слова, как и в том случае, когда ваятель, живописец, писатель воспроизводят в мраморе, на полотне, в романе то, что существовало лишь в их собственном воображении. Словесными продуктами художественного творчества могут быть образы и картины, которым в действительности нечто соответствовало или, наоборот, не соответствовало ничего.

Образы пушкинского Онегина или лермонтовского Печорина отличаются от созданных Грановским образов Александра Македонского или Людовика Святого только тем, что Онегин и Печорин жили лишь в воображении Пушкина и Лермонтова, тогда как Александр Македонский и Людовик Святой были когда-то на самом деле, и Грановский воспроизвел их духовные физиономии перед нашими умственными взорами. Художественный синтез состоит в умении из отдельных черт создавать цельные образы, тогда как в науке главное — не это соединение разрозненных элементов в единое живое восприятие, а, наоборот, анализ, разложение предмета на его составные части, разъединение составляющих его элементов, хотя бы потом все это и собиралось снова воедино.

В старых теориях словесности «сочинения» делились на описания, повествования и рассуждения.

Первые два вида сочинений имеют своею задачею воспроизведение, последний — понимание, и это как будто указывает на то, что первые два вида ближе к задаче искусства, а последний — к задаче науки, но на самом деле это не так. Сами описания и повествования могут быть или художественными, или научными, смотря по той цели, какая им ставится, равно как и в рассуждениях может преобладать или логика, говорящая исключительно уму, или настроение, затрагивающее эмоциональную сторону нашей психики. Научное отношение к предмету, — в описании ли и повествовании, или в рассуждении, все равно, — есть, прежде всего, отношение к нему со стороны ума, стремящегося к пониманию, отношение же художественное есть по существу своему отношение эмоциональное, в частности эстетическое, (о чём у нас речь будет идти подробнее после и в другой связи).

Чтобы ещё лучше уразуметь разницу между историей, как одним из видов искусства, и историей в качестве науки, стоит только сравнить между собою отношения, напр., скульптора и анатома к человеческому телу, воспроизводимому первым в статуе, рассекаемому вторым на части. Сравним также рисунки того же человеческого тела в каком-либо художественном альбоме или в анатомическом атласе, в учебнике анатомии! В последнем это самое тело даётся, так сказать, анализированным: вот рисунок человеческого скелета; вот другой, изображающей мускулатуру, а рядом с ним третий, на котором изображена кровеносная система; затем вот ещё чертеж нервной системы или рисунок расположения внутренних органов человека.

Для большей наглядности ещё один пример. Гобелены, художественные ковры, на которых часто бывают изображены очень сложные композиции, в роде мифологических или исторических картин, бытовых сцен и т. п., ткются особенным образом из разноцветных нитей, то появляющихся на поверхности ткани, то скрывающихся и видных только на её изнанке. Художник, который пожелал бы изображенную на гобелене картину воспроизвести масляными красками на полотне или акварелью на бумаге, сделал бы соответственный рисунок и потом раскрасил бы его, придерживаясь цветовых эффектов оригинала, и только. Совершенно иначе поступил бы тот, кого заинтересовал бы вопрос, как выткана была такая картина: ему пришлось бы, пожалуй, для достижения своей цели прибегнуть к своего рода анатомии, раздёргать ткань на отдельные нити, дабы понять, как они переплетаются здесь и там и тем самым дают в результате отдельные элементы сложной композиции.

Художественную историю я и уподобил бы копии, сделанной или масляными, или акварельными красками с гобеленовой картины, научная же история в данном случае была бы подобна раздёргиванию отдельных разноцветных нитей ткани, в результате которого получилось бы объяснение того, в каких комбинациях они дали интересующую нас картину³⁵.

Я думаю, однако, что существование истории с научною задачею не устраняет существования истории с задачею художественного воспроизведения прошлого: это лишь два различных отношения к одному и тому же предмету, и поскольку история претендует на право именоваться наукою, она должна ясно понять свою задачу и отграничить её от той задачи, какую истории ставили в те времена, когда на неё смотрели, как на одно из изобразительных искусств.

Одно другому несколько не должно мешать, да и не мешает на самом деле, как, и с другой стороны, художественной истории с её фактической правдою несколько не мешает исторический роман с неизбежными в нём выдумками, т. е. небылицами.

Прекрасно, могут возразить на все сказанное выше, — вы установили различие между историей-искусством и историей-наукой, но ещё вопрос, может ли быть история наукою, и не правы ли были те, которые, противопоставляя искусство науки, как раз сами же зачисляли истории в область искусства, не находя ей места в ряду наук.

Против права истории быть причисляемою к наукам делались разные возражения, главнейшие из которых нами и будут теперь рассмотрены.

Одно из этих возражений было ещё много лет тому назад формулировано знаменитым родоначальником пессимистической философии, Шопенгауэром. По его словам, история не может претендовать на право именоваться наукою, «так как она не может похвастаться такими же достоинствами,

³⁵ Очень обстоятельное (более, нежели на двух печатных листах) опровержение принадлежности истории к искусствам, а не к наукам есть в специальном § (das Verhältnis der Geschichte zur Kunst) книги Бернгейма «Lehrbuch der historischen Methode». Если речь идет о художественности изложения научных результатов, это не касается существа дела и совершенно так же относится, кроме истории, к другим наукам. Соображение о том, что средства исторических исследований и репродукции имеют художественную природу, заключааясь в фантазии, опровергается тем, что роль воображения в науке существенно отличается от таковой в искусстве, ибо в первом случае оно связано с известными данными и с методологическими правилами связывания этих данных. Наконец, объявление истории искусством особого рода на том основании, что она занимается не общими понятиями и законами, а наглядною передачею единичных действительностей, оспаривается с точки зрения нахождения историей закономерностей между единичным и причинною связью развития, чем искусство не занимается. Смещение научной и художественной задач Бернгейм справедливо считает вредным.

как прочие науки», ибо «в ней нет основного характера всякой науки, т. е. подведения узнанного под общее понятие; вместо того, она дает только координацию своих данных. Поэтому, продолжает Шопенгауэр, нет никакой системы истории, как есть в каждой из других наук. Хотя она и есть знание, но она не наука, ибо нигде она не познаёт частного посредством общего... Науки, так как они представляют собою системы понятий, говорят всегда только о видах, а история говорит об индивидуумах. Поэтому её можно было бы назвать наукою об индивидуумах, если бы в этом выражении не было противоречия. Из этого же положения следует, что науки говорят о том, что существуете всегда, а история только о том, что было раз, и чего уже более нет³⁶.

Исходным пунктом этого рассуждения является противоположение истории, занимающейся только единичными предметами, естествознанию, занимающемуся, наоборот, лишь общим, родами и видами. Посмотрим, однако, так ли это на самом деле.

Конечно, такие науки, как зоология и ботаника, изучают не отдельных волков или перепелок и не отдельные дубы или папоротники, а волка, перепелку, дуб, папоротник вообще, т. е. известные виды, подвиды, разновидности и т. п. животного или растительного царства. Но в том же самом естествознании есть науки, интересующиеся как раз единичными предметами, занимающаяся их изучением, именно как таковых, т. е. в их индивидуальности. Разве солнце, это единичное солнце, центральное светило нашей планетной системы, не является предметом громад наго количества научных усилий познать его во всех индивидуальных его чертах? Разве, далее, астрономы не интересуются так же специальным изучением отдельных планет и их индивидуальных же особенностей, наприим., Марса с его красноватым цветом и с его загадочными каналами или Сатурна с его замечательным кольцом?

Разве, равным образом, и печальный спутник нашей земли, луна, также ведь единичный, хотя и не единственный в своем роде предмет (вспомним хотя бы спутников Юпитера), не составляет особого предмета изучения и именно в качестве единственного спутника земли со своими чисто индивидуальными чертами? А наше обиталище, земной шар? В геологии, в географии не изучается ли он вдоль и поперек, не как одна из планет солнечной системы, вращающаяся вокруг своей оси и вокруг централь наго светила по некоторым общим законам, найденным астрономией, а именно, как некоторая индивидуальность в ряду других планет, с суточным движением в 24 часа и годовым в 365 1/4 дней и имеющая свою физиономию — и в распределении суши и воды, и в распределены на суше гор и равнин, и в том, что мы называем климатическими поясами, и во многом, очень многом ещё другом? Одним словом, и в естествознании есть отделы, занимающиеся не общим, а единичными предметами, не родами и видами, а индивидуальностями. Дело, значит, не в том, что является предметом науки, а в том, как наука своим предметом занимается, будет ли этим предметом нечто общее, или нечто единичное.

С другой стороны, верно ли, что то, чем занимается история, может быть предметом только координирования, отнюдь не субординирования? Разве в делах человеческих все так разрозненно, что и речи здесь не должно быть о разных категориях, могущих быть предметом классификаций, или о некоторых общих законах, наблюдаемых в однородных случаях?

Касается ли дело явлений физического мира, изучаемых естествознанием, или фактов человеческой жизни, которыми занимается история, все науки, — без всякого различия между изучаемыми категориями действительности, — могут быть разделены на два больших разряда, которым родоначальник социологии, Огюст Конт, дал название наук абстрактных и наук конкретных.

Вот собственные слова Конта об этом предмете: «одни науки — абстрактные, общие, которые имеют целью открытие законов, управляющих разными родами явлений; другие, конкретные, особенные, описательные, состоять в применении этих законов к действительной истории различных существующих предметов».

С точки зрения этой классификации механика, физика, химия, будут науками абстрактными, геология же, изучающая земную кору при помощи знания законов механики, физики и химии, — наукою конкретной. Абстрактными науками будут, равным образом, психология или политическая экономия, изучающие законы явлений душевной или хозяйственной жизни вообще, тогда как, если мы изучаем эти явления в конкретных случаях того или другого отдельного общества (народа, государства), у нас будет и наука конкретная — история, статистика. Общее есть область наук абстрактных, единичное — наук конкретных. И единичное, и общее совершенно одинаково может быть, повторяю, предметом научного изучения и тогда, когда мы имеем дело с природою, и тогда, когда занимаемся миром человеческой истории.

Ещё в одной из более ранних своих работ историко-теоретического содержания, приняв контовское разделение наук на науки об общих законах и науки об отдельных явлениях, я высказался против контовской терминологии, которая, по моему мнению, содержит в себе поводы для некоторых недоразумений, и заменил

³⁶ А. Шопенгауэр. Мир как воля и представление, стр. 536. Шопенгауэр высказывался в том смысле, что история — предмет, почти недостойный серьёзного и трудного изучения со стороны человеческого духа.

для себя его терминологию другою: науки об общих законах были названы мною «номологическими» (от греч. слова νόμος, закон), науки об определённых явлениях — «феноменологическими» (от греч. слова φαινόμενον, явление).

Уже много времени спустя в немецкой философской литературе сделано было аналогичное различие между двумя категориями наук, из которых одна при этом получила название наук «номотетических», т. е. устанавливающих законы, другая — наук «идеографических», т. е. описывающих отдельные, единичные предметы. Это, в сущности, есть не что иное, как контовское различие, только с другой терминологией³⁷.

Если признавать право на название «наука» только за «абстрактными», т. е. номологическим или номотетическим знанием, то история, представляющая собою знание «конкретное», феноменологическое или идеографическое, конечно, не наука, а в таком случае и многие части естествознания, имеющие такой же характер, тоже не науки. Но в данном случае пришлось бы, сузив понятие науки, для идеографических изучений придумывать какое-нибудь другое название, что вовсе не вызывается какою-либо необходимостью³⁸. История — наука, но, понятно, это не такая наука, как, наприм., физика, имеющая дело с общими законами, а не с отдельными фактами. С другой стороны, ошибочно было бы думать, что только явления природы могут доставлять материал для номологического знания, ибо то, что в истории изучается идеографически, вместе с тем может изучаться и номологически — в социологии.

III

Предмет и задача исторической науки

Подойдем к вопросу о праве истории называться наукою с другой стороны.

Характер науки определяется, во-первых, её предметом, во-вторых, её задачею, в-третьих, её методом. Нужно, именно, прежде всего, чтобы предмет, изучаемый наукою, быть вообще доступен нашему познанию, чтобы, далее, задача, какую себе наука ставит, вообще была разрешима, и чтобы, наконец, метод, которым она пользуется, был вообще правилен в логическом отношении. То, что не может быть познаваемо, не может быть и предметом науки, как, наприм., мир сущностей, противопоставляемый миру явлений: здесь — область веры или фантазии, достояние религии или метафизики, а не область знания, не достояние науки. Не могут, равным образом, быть признаны научными задачи, подобные тем, какие ставились в средние века астрологией или алхимией — предсказывать будущее по расположению планет среди созвездий и по их, планет, «соединениям» или превращать все металлы в золото. Так же, наконец, и метод, наприм., заключения от последовательности двух явлений к существованию между ними причинной связи (*post hoc, ergo propter hoc*), если бы он допускался исследованием каких-либо отношений, был бы ненаучен. Спрашивается, выдерживает ли научность истории испытание с точки зрения её предмета, задачи и метода.

Пункт первый: то, что составляет предмет истории, не выходит за пределы мира явлений, могущего быть познаваемым, и с этой стороны научность истории не может быть отвергаема.

Между прочим, нельзя не обратить внимания на то, что в наше время совершенно прекратились попытки смотреть на прошлое человечество, лишь как на внешнее отображение некоторого процесса, совершающегося и в мире ноуменов, пользуясь термином Платона, или вещей в себе, применяя известное выражение Канта. Метафизические философы конца XVIII и начала XIX в. как раз нападали на историю за то, что в научном отношении составляет её силу, ибо историческое знание апостериорно, тогда как эти философы выше всего ставили знание, получаемое *a priori*. Самым замечательным памятником такого

³⁷ Новая терминология принадлежит немецкому философу В. Виндельбанду, употребившему его в своей речи «История и естествознание», произнесенной в Страсбургском университете в 1894 г.; см. её перевод в «Прелюдиях» Виндельбанда, сделанный С. Франком (1904); интересное место находится на стр. 320 этого перевода. Другой немецкий философ, Г. Риккерт, в своей «Философии истории» (см рус. пер. С. Гессена. 1908) различает «генерализирующий и индивидуализирующий» методы (или понимания действительности), о чем стр. 19 и сход. рус. перевода. При этом он указывает на применение генерализирующего метода в науках, формулирующих законы» (стр. 59, 64 и др.). G. Simmel в книге «Probleme der Geschichtsphilosophie» тоже стоит на точке зрения «принципиальной двойственности историко-фактического (*historische-tatsachliche*) знания и знания законов» (стр. 95–96 и 136–137 по 2 изд.). В русской литературе, см. первый выпуск «Методологии истории» акад. А. С. Лаппо-Данилевский), усвоившего терминологию Виндельбанда и защищающего идею идеографичности истории. Решительным противником «чистой идеографичности истории» выступает, проф. А. И. Введенский в своей «Логике, как части теории познания» (1912), стр. 90–91. Ср. о его взглядах на научное значение истории ниже, стр. 77. Я здесь воздерживаюсь от разбора взглядов названных писателей и нарочно обхожу молчанием то, что они говорят об истории по сравнению с естествознанием.

³⁸ Поэтому нельзя не согласиться с Зиммелем, когда он говорит, что если «кто-либо склонен давать титул науки только признанным законам, отказывая в нем установлению фактов (*Thatsachenfeststellung*), без которых те никогда не могли бы дать изображения действительности, то это простой словесный спор (*eine behanglose Eifersucht auf Worte*)». «Действительность, прибавляет он, ставит перед нами два обособленных вида проблем, которые важно разрешать, а не, так или иначе, титуловать». *Die Probleme der Geschichtsphilosophie*, стр. 96.